

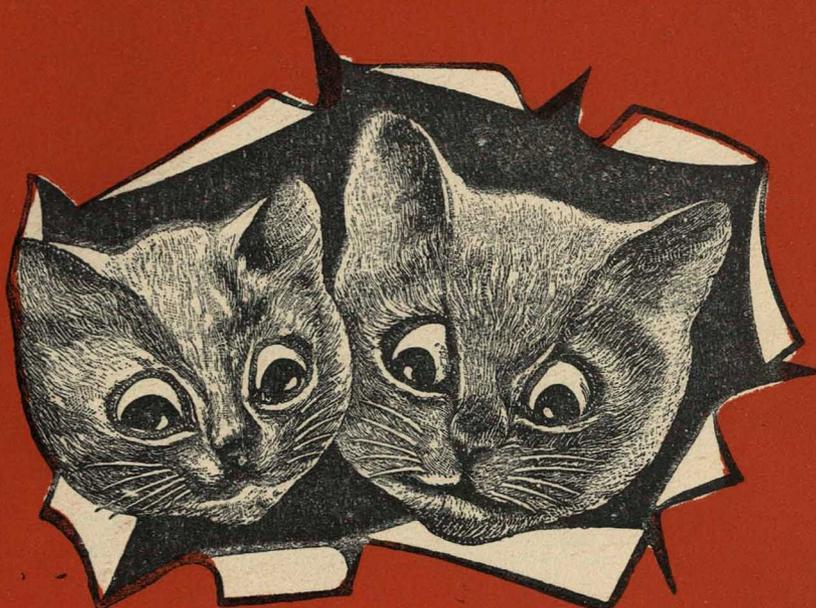
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ БѢЛКИ.
МОРОЗНЫЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
СНѢЖНАЯ ФЕЯ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Помѣщичья усадьба—для склеиванія.
Выкройка рубашки для дѣвочки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

ЗАПИСКИ БѢЛКИ.

Я помню прекрасный лѣтній день. Свѣтило солнце, было тепло и по всему нашему вѣковому лѣсу распространялся запахъ сосновой хвои. Я сидѣла на вѣткѣ нашей родной сосны и, закинувъ

я слетѣла по воздуху на землю, подобрала тѣ зернышки, которыя уронила, и вновь вбѣжала на вершину дерева, цѣпляясь, какъ кошка, по его стволу. Пробѣжать вверхъ или внизъ головою по отвѣсному

хвостъ высоко за спину, лакомилась зернышками изъ сосновой шишки. Держа передними лапками шишку около мордочки, я вертѣла ее и откусывала отъ нея чушуйку за чешуйкой, пока не добиралась до зернышекъ. Затѣмъ, широко распушивъ хвостъ,

стволу—для насъ, бѣлокъ, пустое дѣло, такъ какъ мы очень искусны и ловки. Мы напоминаемъ собою обезьянъ: мы такъ-же общительны, такъ-же весело играемъ со своими товарками и такъ-же, какъ и онѣ, не имѣемъ на ладоняхъ шерсти.

Наѣвшись, я взобралась къ себѣ въ гнѣздышко, взбила передними лапками лежавшія въ немъ сухія листья и мохъ, чтобы было помягче и поудобнѣе спать, и свернувшись клубочкомъ, легла отдохнуть. Поспавъ съ часокъ, я проснулась и стала умываться. Высунувъ свой розовый язычекъ, я лизала имъ переднія лапки и умывалась ими, проводя ладонями по мордочкѣ, какъ это дѣлаютъ обезьяны и человеки. Затѣмъ я стала чесаться. Я расчесала коготками всю шерсть на себѣ, отдѣлила волосокъ отъ волоска и распушила свой роскошный, громадный хвостъ. Трудно себѣ представить болѣе чистошерстное животное, чѣмъ мы.

Но начну сначала.

Мать говорила мнѣ, что когда я появилась на свѣтъ, то цѣлые девять дней была слѣпа. Насъ, дѣтей, было у нея пятеро. Когда я прозрѣла, то увидала себя въ тепломъ гнѣздышкѣ. Оно было устроено у самаго ствола дерева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ него выходила большая вѣтка; оно было похоже на птичье гнѣздо. Надъ нимъ была устроена остроконечная крыша, чтобы на насъ не падалъ дождь. Благодаря этой крышѣ, наше гнѣздо походило на хатку и это сходство увеличивалось еще и тѣмъ, что всѣ стѣнки между крышей и гнѣздомъ были забраны прутьями. Было два входа—парадный и черный. Парадный выходилъ

на востокъ, а черный—къ стволу дерева.

— Ъсть! Ъсть! закричали мы всѣ, какъ только увидѣли другъ друга и свою мать. — Намъ хочется ѣсть!

Мать подобрала насъ всѣхъ подъ себя и мы стали сосать ея молочко. Въ это время нашъ отецъ, широко распушивъ свой хвостъ, перелеталъ съ вѣтки на вѣтку и съ дерева на землю и лушилъ зернышки и пряталъ ихъ къ себѣ въ защечный мѣшокъ. Возвратясь въ гнѣздо, онъ передавалъ ихъ нашей матери и она ихъ ѣла. И все время она лизала насъ, ласкала и старалась расправить на насъ каждый волосокъ.

Цѣлый мѣсяцъ мы питались материнскимъ молокомъ. А затѣмъ, когда мы достаточно окрѣпли, отецъ и мать стали приносить намъ ягоды земляники и черники и вкусныя зернышки какихъ-то плодовъ.

— Кушайте! говорили они намъ.— Теперь вы растете: вамъ надо какъ можно больше ѣсть!

И мы ѣли за обѣ щеки. Нужно было только удивляться, какъ наши родители успѣвали всѣхъ насъ накормить и быть сытыми и сами. Съ утра и до вечера они только и занимались тѣмъ, что добывали для насъ пищу, и когда наступала ночь, то они и тогда спали по очереди, оберегая нашъ покой.

И вдругъ случился скандалъ!

Въ іюнѣ родители выгнали насъ изъ гнѣзда.

— Уходите! Уходите! сказали они.—Вы теперь большія! Можете начать самостоятельную жизнь!

Намъ было грустно разставаться съ роднымъ гнѣздомъ, но дѣлать было нечего. Пришлось уходить. На случай опасности, у нашего отца были еще три другія гнѣзда. Они были перестроены имъ изъ гнѣздъ сороки. Онъ складывалъ туда запасы на зиму и вообще берегъ ихъ, чтобы имѣть возможность спрятаться въ нихъ, если-бы звѣрь или человѣкъ захотѣли его побезпокоить. Бѣлки предусмотрительныя животныя. Въ эти-то гнѣзда мы и стали совершать свои экскурсіи, когда родители выгнали насъ на самостоятельную жизнь. Теперь уже мы были на свободѣ, могли дѣлать, что хотѣли, но самостоятельная жизнь какъ-то не удавалась намъ и мы все время держались невдалекѣ отъ матери и отца. А они принялись за новый выводокъ и скоро у насъ появились еще двѣ маленькія сестренки и братъ.

— Подождемте, сказалъ одинъ изъ насъ, когда выростутъ и они! Тогда намъ будетъ еще веселѣе, чѣмъ теперь!

И мы стали терпѣливо ждать. Когда выросли наконецъ наши младшіе сестры и братъ, то мы соединились съ ними въ одну общую семью и весело затѣмъ

стали играть всѣ вмѣстѣ въ той части лѣса, гдѣ находилось наше общее гнѣздо. Трудно представить себѣ животное болѣе подвижное, чѣмъ мы. Мы не могли спокойно просидѣть на одномъ мѣстѣ ни одной минуты; то и дѣло мы прыгали съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, вѣчно суматошились и суетились. По самой природѣ нашей мы всю нашу жизнь могли бы оставаться на деревѣ и не сходить на землю, но для насъ казалось особаго рода удалствомъ соскочить съ дерева на землю, пробѣжаться по травѣ до другого дерева и затѣмъ съ быстротою молніи взобраться по его стволу на самую его вершину, откуда открывался широкій видъ на лѣса, рѣки, поля и луга. Мы перелетали съ вѣтки на вѣтку, какъ птицы, широко распушивъ наши хвосты. Вообще хвостъ для насъ все. Не даромъ-же онъ раздѣленъ у насъ на двѣ половины пробормомъ, чтобы лучше распускался во время полета. Мать рассказывала мнѣ, что однажды во время рубки сосѣдняго лѣса одной ея знакомой бѣлкѣ дровосѣкъ отрубилъ хвостъ. Бѣдняжка должна была погибнуть съ голода, такъ какъ не смогла уже добыть себѣ ѣды.

Но мы очень чутки къ погодѣ. Мы рѣзвились и бѣгали только въ сухую, ясную погоду, дождь же и туманъ наводили на насъ,

уныніе. Когда было сыро, то мы сворачивались клубочками и, тѣсно прижавшись одна къ другой, цѣлые дни лежали въ гнѣздѣ и терпѣливо ожидали, когда проглянетъ солнце. Опытный человѣкъ могъ-бы безошибочно предсказать по насъ перемѣну погоды. Еще задолго до наступленія дождя, часовъ за двѣнадцать до появленія первыхъ раскатовъ грома мы уже начинали беспокоиться, свистать и щелкать, чего въ покойномъ видѣ не дѣлаемъ никогда. И все время, пока шелъ дождь, мы лежали хмурья и грустныя, но едва только проглядывало солнце, какъ мы уже вскакивали вновь, привѣтствовали его радостнымъ посвистываніемъ и снова принимались за наше веселье.

Одинъ разъ я увидала человѣка, о которомъ такъ много уже слыхала отъ другихъ бѣлокъ. Онъ шелъ съ базара и что-то жевалъ. Повидимому, онъ былъ въ веселомъ настроеніи, потому что жевалъ и въ то-же время что-то напѣвалъ себѣ подъ носъ. Пробираясь нашимъ лѣсомъ мимо того дерева, на которомъ мы притаились, онъ вытащилъ изъ кармана платокъ и поднесъ его къ лицу. Вмѣстѣ съ платкомъ у него вывалилось что-то изъ кармана и упало на землю. Онъ не замѣтилъ этого и пошелъ дальше. Когда его шаги затихли въ глубинѣ, то всѣ мы спрыгнули на землю и бросились

къ тому, что онъ потерялъ. Это были простыя, деревенскія конфеты, которыя онъ очевидно несъ своимъ дѣтямъ въ подарокъ. Съ какимъ удивленіемъ мы развернули на нихъ бумажки, съ какимъ наслажденіемъ съѣли потомъ эти конфеты! А одна изъ насъ съѣла даже и самыя бумажки!

Въ другой разъ я увидѣла человѣка уже осенью, но это не послужило мнѣ къ добру. Мы всѣ уже разстались и каждая изъ насъ пошла своей дорогой. Было холодно, съ печальнымъ шумомъ обнажались деревья и нашъ старый сосновый лѣсъ гудѣлъ своими вершинами отъ дувшаго, рѣзкаго вѣтра. Я была уже одинока и должна была выбрать для себя жилище на зиму, чтобы запасти въ него на цѣлые пять мѣсяцевъ ѣды и укрыться отъ холодовъ самой. Это представляло для меня предметъ особенныхъ стараній и заботъ. Послѣ долгихъ поисковъ я нашла наконецъ глубокое уютное дупло и рѣшила въ немъ поселиться на зиму. Я стала собирать запасы и укладывала ихъ на дно этого дупла. Орѣхи, зерна отъ сосновыхъ шишекъ, высохшія ягоды земляники, мягкія почки растений и ягоды рябины—все это было у меня сложено аккуратно и слоями, такъ что я всегда могла имѣть подъ лапкой все, что казалось-бы мнѣ нужнымъ. Все это я устлала сверху сухими листьями и мхомъ

и взбивъ себѣ перинку, улеглась въ нее, свернувшись клубочкомъ и стала терпѣливо ожидать зимы.

Но вдругъ я услышала какіе-то странные голоса. Я пробудилась и выглянула изъ дупла. Около моего дерева ходили два человѣка и оглядывали его со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ эта береза будетъ хороша! сказалъ одинъ изъ нихъ.— Она толста и пряма!

И, взявшись за топоры, они принялись ее рубить.

Я не знала, что мнѣ было дѣлать. Выскочить изъ дупла и бѣжать,—но я боялась этихъ людей и мнѣ жаль было расстаться со своими запасами, которые я заготовила съ такимъ тяжелымъ, упорнымъ трудомъ. Остаться въ дуплѣ—но тогда я рисковала своей свободой и жизнью. Ужасъ сковалъ мнѣ члены. Я не могла двинуться съ мѣста, а тѣмъ временемъ удары топора становились все чаще и чаще и судорога проходила по всему моему дереву и заставляла меня еще болѣе пугаться и дрожать. Наконецъ со страшнымъ, печальнымъ трескомъ дерево свалилось. Я зажмурила глаза и, вѣшпившись ногтями въ стѣнки моего дупла, вмѣстѣ съ нимъ повалилась на землю. Отъ страха я не могла дышать.

— Гляди-ка, дядя, дупло! вдругъ вскрикнулъ одинъ изъ людей.

И я увидѣла вдругъ, какъ въ мое жилище просунулась большая

человѣческая рука и стала въ немъ шарить. Нащупавъ меня, она схватила меня поперекъ моего тѣла и вытащила на воздухъ.

— Бѣлка! воскликнулъ человѣкъ.— Да какая славная! Пушистая! Теперь надо содрать съ нея шкурку и продать за полтинникъ!

У меня похолодѣло подъ сердцемъ:

— Не надо! отвѣтилъ другой мужикъ.— Отнеси ее лучше къ господамъ въ усадьбу! Тамъ есть дѣти! Тебѣ дадутъ рублевку на чай!

Меня сунули въ темный, душный мѣшокъ и я слышала потомъ, какъ они дѣлили между собой мои запасы. Затѣмъ меня повезли куда-то далеко, я слышала по дорогѣ собачій лай, отъ котораго кровь стыла во мнѣ отъ страха, и когда затѣмъ я вновь увидѣла свѣтъ, то была уже въ домѣ какихъ-то господъ, въ кухнѣ, гдѣ что-то шипѣло на сковородкѣ и пахло мясомъ убитаго животнаго, отъ запаха котораго у меня закружилась голова.

— Бѣлку принесли! сказалъ державшій меня мужикъ.— Ребяткамъ, стало быть, играть! Доложите господамъ!

Вышла затѣмъ какая-то дама, выбѣжали дѣвочка и мальчикъ, купили меня у мужиковъ и внесли въ гостиную.

— Бѣлочка! Бѣлочка! радостно кричали дѣти, прыгали и хлопали въ ладоши.

Меня помѣстили въ клѣтку съ

вращавшимся колесомъ и для меня началась новая жизнь. Первые дни я сидѣла въ уголку, нахохлившись, боялась людей и ничего не ѣла. Тоска по родномъ лѣсѣ и по просторѣ заставляла меня страдать. Но потомъ мало по малу я стала привыкать къ своей неволѣ и уже не боялась, когда ко мнѣ близко подходили люди, и даже стала принимать пищу изъ ихъ рукъ. За мною заботливо ухаживали мои новые хозяева—Вѣрочка и Митя и я скоро привязалась къ нимъ и полюбила ихъ отъ всей моей души. Мы, бѣлки,—очень привязчивыя созданія и черезъ нѣсколько времени я уже не могла обойтись безъ нихъ, скучала по нимъ и старалась криками и движеніями приманить ихъ къ себѣ. Они чистили мою клѣтку, давали мнѣ кедровыя орѣшки, ставили мнѣ чистой воды и всякій разъ по выраженіямъ ихъ лицъ я угадывала, что имъ было жаль меня и что они тоже меня любили. Я не могла оставаться безъ движенія и часто по цѣлымъ часамъ, не останавливаясь ни на минутку, вертѣлась въ колесѣ. Но отсутствіе свободы и тѣснота дѣлали свое дѣло, я тосковала все чаще и чаще и скоро стала хирѣть. На мнѣ вылѣзла мѣстами шерсть, мой пышный когда-то хвостъ сталъ теперь некрасивымъ и я превратилась въ жалкое, беспомощное созданіе, желавшее смерти, какъ избавленія отъ страданій.

— Господи, пошли мнѣ смерть! молилась я. — Прекрати мои мученія!

Прошла осень, миновала жестокая тогда зима и наступила наконецъ очаровательная, свѣтлая весна. Потекли ручьи, зазеленѣли деревья и въ воздухѣ стало раздаваться веселое щебетанье птицъ и наконецъ прошла первая, веселая, раскатистая весенняя гроза. Вслѣдъ за нею раздалось кваканье лягушекъ и гдѣ-то по близости, въ сирени, закричалъ прекрасный соловей. Ахъ, какъ мнѣ захотѣлось тогда къ себѣ въ родной лѣсѣ, къ высокимъ соснамъ, гдѣ я родилась и гдѣ высоко въ воздухѣ гудѣли вершинами хвойныя деревья! Какъ меня потянуло тогда на свободу, вонъ изъ этой клѣтки, гдѣ было такъ тѣсно и гдѣ со всѣхъ сторонъ меня окружали желѣзные прутья, неумолимые, какъ судьба!

И вдругъ я услышала около себя разговоръ, отъ котораго трепетною радостью забилося мое сердце.

— А что, папа, обратилась Вѣрочка къ отцу,—гдѣ бѣлкѣ лучше: здѣсь, въ клѣткѣ, или-же на волѣ?

— Конечно, на волѣ! отвѣтилъ ей отецъ.—Въ этой клѣткѣ она все равно, что человекъ въ тюрьмѣ! Вѣроятно, она плачетъ въ ней, груститъ, вспоминаетъ своихъ подружь...

Вѣрочка и Митя глубоко вздох-

нули и отошли къ сторонкѣ. Затѣмъ они долго о чемъ-то шептались.

— Начни ты! сказала Вѣрочка.

— Нѣтъ, ты! отвѣтилъ Митя.— Ты постарше!

Затѣмъ молча, не говоря никому ни слова и боясь, какъ-бы ихъ не услышали старшіе, они подошли ко мнѣ, взяли за мою клѣтку и, пыхтя и сопя, вынесли ее въ садъ и отворили въ ней дверку.

— Бѣги! сказали они.

Завидѣвъ дверку открытой, я радостно свистнула и въ одинъ мигъ выскочила вонъ изъ клѣтки. Однимъ прыжкомъ я очутилась на деревѣ и, точно птица, перелетѣвъ съ вѣтки на вѣтку, скоро скрылась въ его вершинѣ.

Дѣти стояли внизу, глядѣли вверхъ и долго старались разглядѣть меня въ листьѣ. Я послала имъ мой прощальный привѣтъ и, полная радости и не помня себя

отъ охватившаго меня восторга, перепрыгнула на другое дерево, съ него—на третье и скоро была уже далеко-далеко въ своемъ родномъ лѣсу, гдѣ раздавался веселый гомонъ птичьихъ стай и гдѣ было такъ привольно и хорошо.

И вотъ я снова у себя въ лѣсу. Благодаря Вѣрочкѣ и Митѣ, я снова на свободѣ, у меня свое собственное гнѣздо и около меня весело прыгаютъ мои четверо дѣтей.

Заходитъ солнце и окрашиваетъ вершины деревьевъ въ оранжевый цвѣтъ, издалика доносится звонъ колокола; это звонятъ въ селѣ ко всеобщей, и далеко въ поляхъ громко кричатъ перепела.

Я сижу на вѣточкѣ, радуюсь своему счастью, и въ который уже разъ говорю:

— Спасибо вамъ, Вѣрочка и Митя! Я не забуду вашей услуги никогда!

С. Вершининъ.

МОРОЗНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Трещить морозъ... На вѣткахъ	Да пѣсь залаетъ на селѣ
Иней,	И смолкнетъ вновь... А съ небосклона
И подъ ногами снѣгъ хруститъ...	
А вдаль, весь въ дымкѣ синей,	Ужъ ночь спускается къ землѣ.
Озябшій, голый лѣсъ стоитъ.	Она ползетъ—и на верхушкахъ
На небѣ, красномъ отъ заката,	Деревьевъ гаснетъ ужъ закатъ.
Блеститъ рогатый сериъ луны	Морозъ трещить... Уже въ избуш-
И все молчаніемъ объято	кахъ
И не тревожитъ тишины.	Огни привѣтливо горять.
Лишь каркнетъ изрѣдка ворона,	Кузнечикъ.

Развалины замка.

Съ прогулки.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Рѣдкій ребенокъ вырастаетъ, не похворавъ въ своемъ дѣтствѣ какою-нибудь серьезною болѣзною. Такъ случилось и съ Костей. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ на полу въ то время, какъ была открыта форточка, и что-то строилъ. Дуняша отворила въ кухнѣ дверь — и его, потнаго, сильно продуло сквознякомъ. Случился плевритъ. Цѣлый мѣсяць Костя пролежалъ въ лихорадкѣ, а когда поправился наконецъ настолько, что могъ уже бѣгать по комнатамъ, то оказалось, что въ боку у него скопилась жидкость, которая плохо разсасывалась и мѣшала ему глубоко вздыхать. Онъ сталъ худѣть. О посѣщеніи уроковъ въ гимназіи нечего было и думать и бабушка Наталья Кирилловна стала подолгу совѣщаться съ врачомъ. Болѣзнь Кости обезпокоила ее, она перестала спать по ночамъ и все думала и думала и ничего не могла придумать.

Однажды докторъ выслушалъ и выстукалъ Костю и нахмурилъ лобъ.

— Плохо разсасывается... скажаль онъ. — Жаль, что сейчасъ зима... Если-бы было лѣто, то дѣло пошло-бы быстрѣе...

— Что-же теперь дѣлать? съ безпокойствомъ спросила бабушка.

Докторъ подумалъ.

— Хорошо-бы повезти Костю въ теплые края... скажаль онъ. — Ученье не уйдетъ, а здоровья не купишь!.. Выздоровѣтъ, такъ успѣтъ еще догнать и перегнать!..

Бабушка ухватилась за эту мысль. У нея были кой-какія средства, она рѣшила все продать и прожить, лишь-бы только спасти своего ненагляднаго внука. А онъ въ это время громко стучалъ молоткомъ, строгалъ и вбивалъ гвозди и только жаловался иногда на отдышку и на острое колотье въ боку.

Шесть дней спустя, бабушка уже выѣхала съ Костей въ Италію. Она не разставалась со своимъ домикомъ уже болѣе тридцати лѣтъ, ей было не подъ силу ѣхать такъ далеко, но сознание необходимости заставляло ее быть героиней и отправляться на встрѣчу туманному будущему. Костя занималъ всѣ ея мысли. Онъ былъ для нея все. Она сознавала, что безъ него теперь не могла-бы обойтись и что если-бы теперь потребовалось, чтобы она положила за него свою жизнь, то она не за-

думалась бы и охотно разсталась бы съ нею для счастья Кости.

— Ахъ, батюшки! суетилась она въ вагонъ.— Ёдемъ такъ далеко, въ чужіе края, а языковъ-то не знаемъ. Какъ-то будетъ? Знала когда-то въ молодости французскій языкъ, да все перезабыла... Ну, да Господь поможетъ! Добрые люди вездѣ найдутся!

А то она вдругъ вспоминала въ вагонѣ, что забыла сказать Дунашкѣ про банку съ вареньемъ, которая осталась въ чуланѣ на полкѣ, и она огорченно и заботливо покачивала головой.

— Засахарится теперь оно, говорила она.— А ягода-то, ягода какая! Крупная да душистая!.. Такой теперь и не найдешь!

Но вотъ уже Германія. Встрѣчаются горы, поросшія густыми лѣсами, виднѣются старинные рыцарскіе замки, прилѣпившіеся на скалахъ, а затѣмъ на горизонтѣ показывается свѣтлая, серебристая гряда облаковъ, которая растетъ все ввысь и вширь и кажется, что это туча, готовая пролиться дождемъ. Это снѣговья вершины Альпъ. И чѣмъ ближе къ нимъ подходитъ поѣздъ, тѣмъ горы становятся все величественнѣе и грознѣе и тѣмъ прекраснѣе представляется картина. Наталія Кирилловна и Костя стоятъ у окна и не могутъ оторвать отъ нея глазъ и имъ кажется, что они въѣхали въ сказочную страну, гдѣ воздухъ со-

вѣмъ не такой, какъ былъ раньше, и гдѣ кругомъ обступаютъ дорогу великаны, сверкающіе снѣгомъ, какъ драгоценными камнями. Громадныя массы заходящихъ за облака горъ начинаютъ сдвигаться по бокамъ поѣзда, становится сумрачно и бабушкѣ начинаютъ казаться игрушками и поѣздъ, и домики, прилѣпившіеся у скалъ, и она сама. И чѣмъ ближе путники подѣзжаютъ къ Швейцаріи, тѣмъ становится все снѣжнѣе и холоднѣе и наконецъ ихъ окутываетъ настоящая русская морозная зима.

— Вотъ тебѣ и теплые края! съ грустью говоритъ бабушка.— Стоило-ли изъ-за такихъ холодовъ ѣхать такъ далеко!

— О, не безпокойтесь, мадамъ! стараются ободрить ее другіе пассажиры.— Тамъ, за этими горами—сейчасъ прекрасная весна, и всѣ деревья въ цвѣту. Послѣ завтра вы будете нюхать цвѣты яблонь и розъ.

А поѣздъ все идетъ и идетъ. Вотъ наконецъ и Люцернъ. Путь конченъ и всѣ пассажиры выходятъ изъ вагона. Бабушка и Костя тоже выходятъ и полною грудью вдыхаютъ въ себя свѣжій, морозный воздухъ. Передъ ними озеро—хмурое, бурное, холодное, по берегамъ котораго высятся высокія снѣжныя горы. Чистенькій городъ съ остроконечными крышами и съ старинными башнями и церквами стоитъ у самой воды. Дуетъ рѣз-

кій вѣтеръ и гонить передъ собою цѣлыя облака уже выпавшаго, сухого снѣга. Съ горы Пилатусъ нависли темныя облака. Фирвальдштеттерское озеро бушуетъ, какъ море, и пароходъ прекратилъ свои рейсы въ Веггисъ и Флюэленъ. Вездѣ въ домахъ горѣлъ огонь въ печахъ и жители говорили, что никогда еще въ Швейцаріи не было такой лютой зимы.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, вздыхала бабушка. — Хорошо-ли мы сдѣлали, что заѣхали такъ далеко?

Тогда еще не было большого туннеля изъ Люцерна въ Миланъ и всѣмъ пассажирамъ приходилось пересѣкать Альпійскій хребетъ на лошадяхъ или пѣшкомъ. Это было тогда трудный, опасный путь, стѣснявшій все движеніе изъ Средней Европы въ Италію и обратно. И теперь, когда бабушка и Костя вышли изъ вагона и не знали, что имъ дѣлать и куда идти, то у почтоваго двора въ Люцернѣ стояла карета и продрогшій кондукторъ въ послѣдній разъ протрубилъ въ свою трубу. Сейчасъ она тронется въ путь и уже цѣлую недѣлю больше не будетъ сообщенія съ Италіей, такъ какъ въ горахъ поднялась метель и черезъ Сень-Готардскій проходъ нельзя будетъ ни проѣхать, ни пройти.

— Пожалуйте! Пожалуйте! кричалъ кондукторъ и трубилъ въ

трубу. — Сейчасъ карета отправляется въ путь черезъ Сень-Готардъ! Кто ѣдетъ въ Италію, пожалуйста занимать мѣста! Спѣшите! Далѣе уже будетъ поздно!

Пассажиры стали усаживаться въ карету. Полные страха за будущее, бабушка и Костя тоже заняли въ ней свои мѣста. Бичъ щелкнулъ и карета двинулась въ путь.

— Не ѣздите! говорили имъ встрѣчные въ городѣ. Развѣ вы не видите, что въ горахъ метель? Вы застрянете въ снѣгу, вы замерзнете, вы собьетесь съ пути!

— Намъ нужно, отвѣчали пассажиры. — У насъ въ Италіи жены и дѣти, они ждутъ насъ и будутъ беспокоиться.

— Но развѣ вы не видите, что горы всѣ въ туманѣ, что тамъ теперь метель?

— Богъ поможетъ намъ добратся до монастыря, а тамъ дальше будетъ уже теплѣе!

— Но вѣдь добратся до монастыря теперь мудрено, монастырь стоитъ на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ и васъ не пуститъ туда метель!

— Богъ намъ поможетъ...

— Оставайтесь, путники, вѣдь въ горахъ сейчасъ можно сбиться съ дороги, на васъ можетъ обрушиться цѣлая лавина снѣга, вы можете погибнуть. Переждите недѣлю!

— Богъ намъ поможетъ! Это — послѣдняя карета и мы должны во-

воспользо­ваться ею. Насъ ждуть наши жены и дѣти. Они будутъ безпокоиться о насъ.

И съ хлопаньемъ бича и звуками рожка карета выѣхала изъ почтоваго двора и скоро скрылась за снѣжной пеленою.

Ей печально смотрѣли вслѣдъ и качали головами.

— Они могутъ сбиться съ пути и погибнуть... говорили тѣ, которые остались.

— Только-бы добраться до ночи до монастыря... думали тѣ, которые поѣхали.

— За то у нихъ опытный кучеръ Лоренцо, говорили тѣ, которые остались.—На него можно положиться. Онъ доставитъ ихъ сегодня-же до монастыря. Лоренцо хорошій кучеръ.

— Только-бы не подулъ вѣтеръ со стороны Риги и Пилатуса, думали тѣ, которые поѣхали. Богъ намъ поможетъ! Насъ ждуть наши жены и дѣти. Они безпокоятся о насъ...

А вѣтеръ злился все больше и больше и цѣлыя тучи снѣга уже валились на дорогу, горы и на холдное, озябшее озеро, ставшее темнымъ.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда кареты къ почтовому двору подъѣхала какая-то богатая дама. Она озябла и еле смогла вылѣзти изъ экипажа. Это была наша старая знакомая Евгенія Ѳедоровна. Она видимо торопилась. Она была въ Ба-

зелѣ, когда мимо нея проѣхалъ другой, желтый дилижансъ, въ которомъ сидѣла какая-то женщина похожая на нѣмку. вмѣстѣ съ нею были двѣ дѣвочки, одна изъ которыхъ почему-то страшно, поразительно напоминала Евгеніи Ѳедоровнѣ ея пропавшую когда-то дочь Катю. При встрѣчѣ съ нею дѣвочка улыбалась и, выглядывая изъ окна дилижанса, показывала на что-то ручкой. Въ этой ея улыбкѣ, въ выраженіи ея глазъ, Евгеніи Ѳедоровнѣ на одно мгновеніе мелькнулъ ея покойный мужъ и сама она такую, какой была когда-то въ далекомъ дѣтствѣ.

— Это она! шевельнулось вдругъ въ душѣ у Евгеніи Ѳедоровны. — Это моя Катя!

Въ это время желтый дилижансъ совсѣмъ уже поровнялся съ Евгеніей Ѳедоровной. Она взглянула на дѣвочку, сидѣвшую у окна и на что-то показывавшую ручкой, и вдругъ увидѣла у нея на шеѣ знакомый крестъ. Это былъ, какъ ей показалось, тотъ самый крестъ, который она когда-то въ вагонѣ сняла съ себя и надѣла на шею своей дочери Катѣ. Это было въ то уже далекое время, когда Евгенія Ѳедоровна въ первый разъ уѣзжала съ Катей и съ Назаровной за границу и когда няня Назаровна такъ неосторожно сунула на извозчика порученный ей узелокъ съ вещами Кати и найденный потомъ Дуняшей.

И не помня себя отъ радости и

отъ волненія, Евгенія Ѳедоровна хотѣла крикнуть, остановить желтый дилижансъ, но ноги и руки у нея задрожали, голосъ ей измѣнилъ и ничего не вышло. Она стояла среди площади въ Базелѣ и глядѣла безпомощно вслѣдъ удалявшѣмуся дилижансу, хотѣла бѣжать за нимъ — и не могла, хотѣла кричать — и у нея и для этого не хватило силъ.

— Сюда! Ко мнѣ! вскрикнула она наконецъ и схватилась рукою за грудь.

Къ ней подбѣжали какіе-то двое мужчинъ, которые довели ее до ея гостинницы и сдали ее съ рукъ на руки горничной. Всѣ подумали, что съ нею просто сдѣлалось дурно, но никто не догадался до истинной причины охватившаго ее волненія и никто не удивился, когда она тотчасъ-же рассчиталась за номеръ и потребовала себѣ экипажъ. Мало-ли прихотливыхъ иностранцевъ, которымъ не сидится на одномъ мѣстѣ и у которыхъ такъ много денегъ, что некуда дѣвать!

Часа четыре спустя, Евгенія Ѳедоровна уже мчалась вслѣдъ за желтымъ дилижансомъ, но онъ ѣхалъ скорѣе, чѣмъ ея экипажъ и съ каждымъ поворотомъ колеса удалялся отъ нея все глубже и глубже въ горы.

— Ядогоню ихъ, повторяла она. — Я увижу еще разъ эту дѣвочку! Я должна ее увидѣть во что-бы то ни стало!

Но желтый дилижансъ поѣхалъ

одной дорогой, она — другой — и пути ихъ разошлись. И вотъ теперь она приѣхала въ Люцернъ и остановилась въ томъ-же самомъ почтовомъ дворѣ, въ которомъ только недавно были бабушка Наталья Кириловна и ея внучекъ Костя.

— Не слѣшите, синьора, обратился къ ней почтмейстеръ-итальянецъ. — Еще успѣете. Вамъ придется еще долго ждать! Вы опоздали!

— Отчего? спросила съ удивленіемъ Евгенія Ѳедоровна. — Мнѣ нужно дождаться здѣсь желтаго дилижанса изъ Базеля. Онъ выѣхалъ сюда раньше меня и долженъ проѣхать именно здѣсь. Къ сожалѣнію, мы поѣхали разными дорогами и я добралась до Люцерна раньше, чѣмъ онъ. Я дожусь его здѣсь и затѣмъ отправлюсь въ Миланъ. Мнѣ сказали, что карета въ Миланъ отходитъ отсюда каждый день!

— Это вѣрно, синьора, продолжалъ почтовый чиновникъ, — но развѣ вы не видите, какая буря? Только часъ тому назадъ мы отправили въ Италію послѣднюю карету и боимся, что она не сможетъ добраться даже до монастыря. Въ ней какая-то русская дама съ мальчикомъ... Теперь мы не будемъ посылать кареты дней десять или двѣнадцать, пока не расчистятъ дорогу и не прекратится буря совсѣмъ!

Евгенія Ѳедоровна всплеснула руками.

— Но вѣдь мнѣ нужно! воскликнула она.

— Что дѣлать, синьора, что дѣлать?.. вздохнулъ почтовый чиновникъ.

Евгенія Оедоровна вышла за ворота и поглядѣла на погоду. Передъ нею разстилалось сѣрое, холодное, но еще не замерзшее озеро, а справа виднѣлась въ туманѣ громадная масса горы Пилатусъ. Далѣе уже не было видно ничего: ни домовъ, ни церквей, ни Альпійскихъ горъ на горизонтѣ, черезъ которыя ей предстояло ѣхать. Все утопало уже подъ снѣжной пеленою. Неужели-же ей придется цѣлыя двѣ недѣли оставаться здѣсь, или-же возвратиться ни съ чѣмъ обратно?

И не зная, что дѣлать и какъ поступить, она снова возвратилась на почту.

— Вы говорили, обратилась она къ почтовому чиновнику, что въ послѣдней каретѣ уѣхала какая-то русская дама съ мальчикомъ. А не было-ли въ ней также и женщины, просто одѣтой, съ двумя дѣвочками лѣтъ четырехъ и пяти?

— Нѣтъ, синьора, отвѣчалъ почтовый чиновникъ.—Такой женщины сегодня у меня не было. Она была у меня вчера. Она дѣйствительно приѣхала изъ Базеля въ желтомъ дилижансѣ, высадилась здѣсь, переночевала и сегодня утромъ уже пѣшкомъ, съ двумя дѣвочками, отправилась отсюда въ дальнѣйшій

путь вслѣдъ за нашей каретой. Она говорила, что ѣдетъ къ сестрѣ, которая живетъ здѣсь гдѣ-то въ горахъ. Она ѣдетъ изъ Сѣверной Германіи. Своихъ дѣвочекъ она называла „двѣ сиротки“. Изъ этого я заключаю, что она—вдова. Да вотъ я вамъ сейчасъ скажу, синьора, кто была эта женщина съ двумя дѣвочками! Она у меня прописана въ книгѣ для проѣзжающихъ!

Онъ досталъ съ полки книгу, развернулъ ее и прочиталъ:

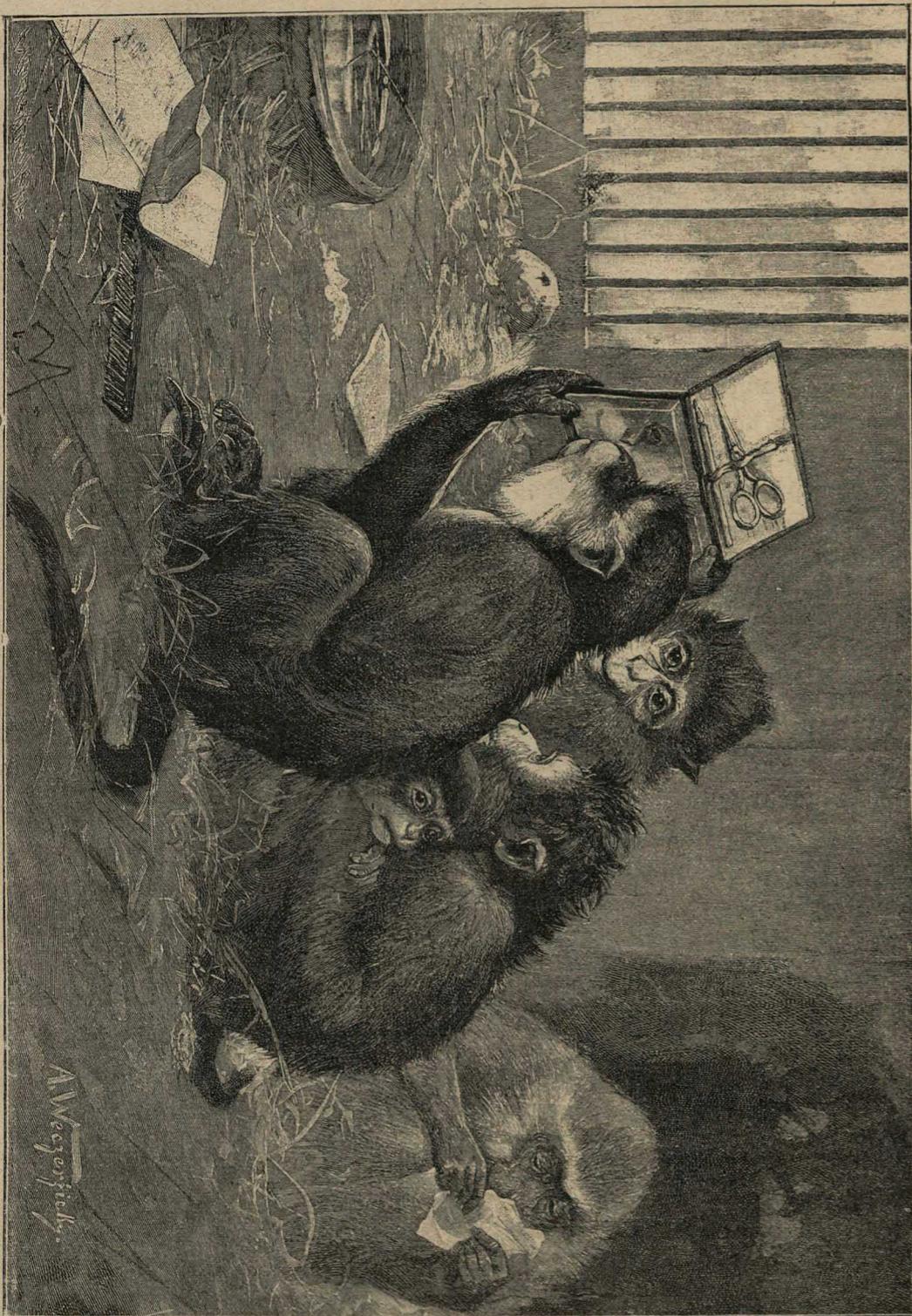
„Фрау Луиза Фидлеръ съ двумя дочерьми Маргаритой и Кетти. Изъ города Оберъ-Бриккау въ Сѣверной Германіи“.

Изъ города Оберъ-Бриккау! Сердце у Евгеніи Оедоровны забилося и ноги подкосились и стали дрожать. Это тотъ самый городъ, около котораго она потерпѣла когда-то кораблекрушеніе и въ которомъ такъ долго выздоравливала отъ потрясенія и болѣзни! Теперь уже для нея не оставалось больше никакого сомнѣнія въ томъ, что эта мелькнувшая ей на пути дѣвочка съ крестомъ на шеѣ была именно ея дочь, о которой такъ истомилась ея наболѣвшая душа.

— Я непременно должна догнать эту женщину! сказала она.— Мнѣ необходимо ее увидѣть!

— Что дѣлать, синьора, что дѣлать? отвѣтилъ почтовый чиновникъ и вышелъ въ другую комнату.

А Луиза Фидлеръ съ Маргаритой и Кетти тѣмъ временемъ была

Мапрышкн.

Шоссе через Альпійскія горы.

уже высоко, въ горахъ, и подвергалась тамъ всѣмъ ужасамъ непогоды. Еще вчера она дѣйствительно прѣхала на дилижансѣ въ Люцернъ, переночевала на почтовомъ дворѣ и сегодня съ утра уже отправилась въ горы. Ея сестра жила гдѣ-то высоко въ горахъ, въ далекой уединенной деревушкѣ, въ которую не взялся везти ее никто, и теперь ей оставалась идти пѣшкомъ. Но она не рѣшалась.

— Вамъ куда? спросилъ ее какой-то монахъ, случившійся тутъ-же на почтовомъ дворѣ.

— Въ Арне, отвѣтила фрау-Луиза.— Тамъ живетъ моя сестра. Я ѣду къ ней съ этими двумя сиротками, моими дѣтьми. Я недавно овдовѣла и теперь буду жить въ Арне вмѣстѣ съ ней.

— Въ такомъ случаѣ—пойдемте вмѣстѣ, предложилъ ей монахъ.— Я отправляюсь къ себѣ въ монастырь и могу довести васъ до Арне. Путь дологъ и труденъ. Сегодня къ вечеру или завтра съ утра должна разыгаться въ горахъ метель. Если мы отправимся изъ Люцерна сейчасъ, то успѣемъ къ вечеру быть уже на мѣстѣ. Необходимо спѣшить.

— Но какъ-же я буду съ дѣтьми? возразила фрау-Луиза.— Они еще малы и не дойдутъ.

— Это ничего. Вы возьмете на руки одного ребенка, я возьму другого, и мы отправимся сейчасъ-же въ путь. Намъ поможетъ Богъ!

— А если мы собьемся съ пути и погибнемъ въ снѣгу?

— Это невозможно. Я переходилъ черезъ Альпы уже нѣсколько разъ и лѣтомъ, и зимой, и знаю Сенъ-Готардскій проходъ, какъ свои пять пальцевъ. Если мы доберемся до монастыря до ночи, то завтра уже вы будете въ Италиі, гдѣ все теперь зелено и всѣ фруктовые деревья въ цвѣту.

— А если не доберемся?

— Этого не можетъ быть, потому что я знаю кратчайшія дороги. Если-бы вы отправились вмѣстѣ со мною, то мы прибыли-бы въ монастырь на два часа раньше той почтовой кареты, которая выйдетъ отсюда въ Миланъ около полудня. Хотите идти вмѣстѣ со мною?

Фрау-Луиза задумалась.

— „Не ходи“, шепталъ ей внутренній голосъ.—„Это опасно!“

И въ то-же время другой голосъ шепталъ ей:—„Иди! Отчего не пойти? Положись на этого чловѣка. Ему извѣстны всѣ тропинки въ горахъ! Если ты съ нимъ пойдешь, то завтра уже будешь въ Арне, гдѣ все зелено и все въ цвѣту и гдѣ твои дѣти Маргарита и Кетти отдохнутъ съ дороги и побѣгаютъ въ теплѣ!“

— А мы не погибнемъ, святой отецъ? робко спросила фрау-Луиза у монаха.

Онъ улыбнулся на ея слова.

— Я знаю всѣ тропинки въ Аль-

пійскихъ горахъ, отвѣтилъ онъ. — Сень-Готардскій проходъ я знаю, какъ свои пять пальцевъ.

И онъ накиннулъ на себя плащъ, взялъ въ руки высокую альпійскую палку и кивнулъ ей головой.

— Прощайте, сказалъ онъ. — Я иду пѣшкомъ! Пойдемте со мною!

Фрау-Луиза подумала съ минуту, а затѣмъ, рѣшившись, сказала: — Пойдемте!

И плотно завернувши дѣтей въ шали, она тоже взяла палку и послушно послѣдовала за монахомъ. Онъ несъ на рукахъ Маргариту, а она — Кетти.

— Не ходите! кричали имъ вслѣдъ. — Развѣ вы не видите, что будетъ метель? Вы безумцы!

— Не вѣрьте имъ! говорилъ монахъ фрау-Луизѣ. Я знаю всѣ тропинки. Они хотятъ, чтобы вы остались у нихъ и потратили у нихъ свои деньги.

И они пошли.

Вотъ Аксенштрассе, вотъ Флюеленъ, вотъ Веггисъ... Сейчасъ будетъ послѣднее селеніе Гешененъ—и они вступятъ въ суровыя, мрачныя горы.

Вернитесь, путники! Зачѣмъ вы пошли?

Но путники идутъ!

Горы, горы и горы... Послѣднее поселеніе давно уже осталось позади. Снѣгъ валится сверху, сыплется съ боковъ и залѣпляетъ глаза.

— Мама, вернемся! говоритъ маленькая Кетти. — Мнѣ холодно!

— Мнѣ тоже холодно и хочется спать! говоритъ и маленькая Маргарита на рукахъ у монаха.

Но если вернуться назадъ, то такъ-же не достигнешь послѣдняго поселенія, какъ тяжело теперь добраться и до монастыря. Можно погибнуть.

— Я устала... говоритъ фрау-Луиза. — Ребенокъ оттянулъ мнѣ руки. Мнѣ хотѣлось-бы отдохнуть...

— Идемъ!.. говоритъ монахъ. — Сейчасъ за этимъ поворотомъ монастырь!

Они поворачиваютъ, затѣмъ еще разъ и еще, но монастыря все нѣтъ и нѣтъ.

Горы, горы и горы... Дуетъ рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ залѣпляетъ глаза и далеко въ пропастяхъ слышатся глухіе удары, похожіе на пушечные выстрѣлы. Это глыбы снѣга срываются съ горъ и падаютъ въ ущелья.

Страшно.

Они идутъ по самому краю обрывовъ, ихъ ноги скользятъ по скаламъ и каждую минуту они готовы сорваться и упасть.

— Я устала, говоритъ женщина. — Я больше не могу идти...

— Сейчасъ будетъ монастырь... отвѣчаетъ монахъ, — тамъ ты отдохнешь...

Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Снѣгъ повсюду: наверху, внизу и сбоковъ. Ледянящій вѣтеръ дуетъ изъ ущелій и засыпаетъ снѣгъ за шею, въ сапоги и въ рукава.

— Мама, мнѣ холодно!.. жалобно говорить Кетти.

— Я озябла, мама!.. говорить и Маргарита.

До монастыря еще далеко. Монастыря еще не видно. Гдѣ ты, монастырь?

Путники, зачѣмъ вы поплы въ такую бурю въ горы? Зачѣмъ не остались въ Люцернѣ, въ почтовомъ дворѣ, гдѣ теперь скучаетъ Евгенія Федоровна одна? Вы—безумцы!

Но путники все идутъ и идутъ... Впереди монахъ съ Маргаритой. Позади—фрау-Луиза съ Кетти.

Темнѣетъ. Сумрачно. Ночь.

Бѣлая громада горъ поднимаются съ боковъ и высоко тѣнятся кругомъ. Вѣтеръ хлещетъ снѣгомъ по щекамъ и сбиваетъ съ ногъ. Впереди—темная, зіяющая пропасть, похожая на погребъ.

— Я не могу, говорить фрау-Луиза.—Я устала... Мнѣ нужно отдохнуть!

— Ни одной минуты! отвѣчаетъ монахъ.—Иначе ты замерзнешь и уже не проснешься вновь.

— Но я ничего не вижу! Ночь такъ темна, что я не знаю, куда иду.

— Иди! Иди!

И они идутъ. Впереди онъ, а за нимъ, усталая, она. У обоихъ на рукахъ по дитяти.

Онъ останавливается и начинаетъ слушать.

Дуетъ вѣтеръ и гудитъ въ ущельяхъ и въ вершинахъ сосенъ, ко-

торыхъ за темнотою не видно вовсе.

— Слышишь? говорить онъ.

— Слышу, отвѣчаетъ она.—Что это?

— Это звонъ... Это колоколь монастыря. Тамъ теперь звонять и путники, слыша звонъ, должны идти въ монастырь. Это звонять мои братья—монахи. Они будутъ звонить цѣлую ночь.

Она останавливается и говорить:

— Мы спасены!

— Нѣтъ, отвѣчаетъ монахъ.— Мы заблудились... Мы заблудились... Мы сбились съ пути. До насъ доносится звонъ, но какъ дойти до монастыря—я теперь не знаю. Будемъ молиться Богу!..

Страхъ овладѣваетъ ея душой.

— Зачѣмъ-же ты повелъ меня, если не знаешь дороги самъ? спрашиваетъ она.

— Я знаю дорогу, какъ свои пять пальцевъ, отвѣчаетъ онъ.— Но вѣтеръ перемѣнился и я сбился съ пути. Но это ничего. Я сейчасъ найду ее опять! Посиди здѣсь съ ребенкомъ и отдохни немного. А я тѣмъ временемъ отойду въ сторону, найду тропинку и снова возвращусь къ тебѣ и возьму тебя.

И не спуская съ рукъ Маргариту, онъ уходитъ съ ней и оставляетъ фрау-Луизу съ Кетти однихъ.

Какъ безумная, стоитъ она у края пропасти, дрожить и слезы льются у нея по щекамъ.

— Зачѣмъ онъ оставилъ меня одну? шепчетъ она и прижимаетъ заснувшую Кетти себѣ къ груди.

Вокругъ нея злится вьюга, дуетъ рѣзкій вѣтеръ, падаютъ лавины и, точно пушечные выстрѣлы, имъ вторить эхо.

— Вернись! кричитъ она монаху во весь голосъ, насколько хватается у нея силъ.

Но его уже нѣтъ. Онъ ушелъ отъ нея далеко. вмѣстѣ съ Маргаритой онъ исчезъ отъ нея гдѣ-то въ глубинѣ ночи и она осталась одна. Вѣтеръ подхватываетъ ея вопль и разноситъ его по горамъ. Затѣмъ все смолкаетъ. Она опускается въ безсиліи на снѣгъ и прижимается спиною къ холодной скалѣ. Заснувшая Кетти не слышитъ и не чувствуетъ ничего. Ей тепло у груди ея пріемной матери и она сладко спитъ. А затѣмъ фрау-Луиза дѣлаетъ усилія, чтобы открыть глаза. Но тяжкій, неумолимый сонъ сжимаетъ ей вѣки и она засыпаетъ и сама. Снѣгъ хлопьями валится ей на голову, на плечи и на грудь и скоро совершенно скрываетъ ее изъ виду. Теперь у пропасти уже невидно никого и ничего. Кругомъ—одинокая снѣжная пустыня, высятся темныя громады горъ и воюющій вѣтеръ поетъ имъ свою заунывную пѣсню.

А монахъ все идетъ и идетъ. Буря дѣлается все ужаснѣе и злѣе.

„Сейчасъ я найду дорогу“, думаетъ онъ,—„и вернусь къ путницѣ. Она еще не успѣетъ замерзнуть... Я доведу ея до монастыря“...

Кругомъ громады, покрытыя снѣгомъ, а глубоко внизу что-то страшно шумитъ. Это горный водопадъ, который не замерзаетъ никогда.

Монахъ останавливается, переводитъ духъ, прислушивается, старается уловить звукъ колокола, но его уже не слышно.

Монахъ, ты погибъ!

„Должно быть, я опять сбился съ дороги“, думаетъ онъ и поворачиваетъ назадъ.

А затѣмъ, пройдя нѣкоторое пространство, онъ снова останавливается и, полный тревоги, начинаетъ снова слушать.

„Нѣтъ, нужно было-бы идти туда, куда я и шель“, говоритъ онъ.

И онъ снова поворачиваетъ назадъ.

Ночь. Горы. Валится хлопьями снѣгъ и вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо.

Глубоко внизу, у самаго края пропасти, лежитъ подъ снѣгомъ фрау-Луиза, а около нея — Кетти, дочь Евгеніи Ѳедоровны—Катя.

И обѣихъ ихъ засыпаетъ снѣгъ. Ихъ уже не видно.

А монахъ все ходитъ взадъ и впередъ и не знаетъ, куда ему идти... На рукахъ у него Маргарита—дочь фрау-Луизы Фидлеръ.

Монахъ, ты погибъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Б—скій.

СНѢЖНАЯ ФЕЯ.

Мать Наташи хворала очень долго, что-то около двухъ мѣсяцевъ. И все это время маленькая, восьмилѣтняя Наташа была около нея, исполняла всѣ мелкія, домашнія работы, мела полъ и топила печь. Жили въ одной комнатѣ, которую снимали у какого-то мелкаго торговца Ильи Власыча и за которую не было уплачено уже за нѣсколько мѣсяцевъ. Илья Власычъ часто заходилъ по вечерамъ къ больной и грубо и громко кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Освободить квартиру! Я не желаю васъ больше держать!

Это приводило Наташу въ ужасъ. Она боялась хозяина и всякій разъ какъ онъ приходилъ и кричалъ, она забивалась въ уголокъ и смотрѣла оттуда большими, испуганными глазами. Больная глубоко вздыхала и молчала: ксе равно денегъ не было и негдѣ было ихъ взять.

При томъ-же домѣ, во дворѣ, былъ флигелекъ. Въ немъ жилъ какой-то одинокій господинъ, который весь день находился на службѣ и возвращался домой только по вечерамъ. У этого господина былъ маленькій сынокъ Андрюша, худенькій, блѣдный мальчикъ лѣтъ шести. Къ нему была нанята няня Архиповна, которая

проводила съ нимъ все время и замѣняла ему мать. Это была предобрѣйшая старушка, искренно любившая дѣтей и къ тому-же умѣвшая ихъ занять и рассказывать имъ интересныя сказки.

Часто, когда засыпала мать, уставшая Наташа прибѣгала во флигелекъ къ Андрюшѣ и робко начинала съ нимъ играть. Въ это время Архиповна незамѣтно ставила ей заплатки на кофточку или пришивала оторвавшуюся пуговицу и раза два даже всю ее, голенькую, мыла въ корытѣ въ горячей водѣ. Это очень понравилось Наташѣ.

— Ахъ, ты бѣдная, бѣдная!.. приговаривала няня.—И откуда это на свѣтѣ взялись бѣдность да болѣзни? Поскорѣ выздоравливай!.. бы твоя мать!..

Архиповна служила раньше у какого-то богатаго генерала, у котораго выросила единственную дочь. Теперь эта дочь была уже взрослой барышней и часто и на долго уѣзжала за границу. Няня любила рассказывать дѣтямъ про генерала и про свою воспитанницу, которые жили въ богатой усадьбѣ не далеко отъ города и не отказывали себѣ ни въ чемъ. Тамъ былъ громаднй домъ съ колоннами и съ разными затѣями, былъ

большой, расчищенный паркъ и въ немъ прудъ,—по которому плавали лебеди. Приѣзжали гости. Играла полковая музыка въ мѣдныя трубы и гостямъ подавали мороженное. Слушая эти рассказы Архиповны, Наташа приходила въ восторгъ и нѣмѣла отъ удовольствія, не смѣя проронить ни одного слова няни. Но ничто такъ не нравилось Наташѣ, какъ сказка про Снѣжную фею. Слушая ее уже въ который разъ, Наташа чувствовала, какъ каждое слово няни, точно сладчайшій медъ, тонкой струйкой вливалось ей прямо въ самое сердце.

Сказка же была не хитрая и не сложная. Все дѣло заключалось въ умѣнїи Архиповны ее рассказать. Въ ней говорилось о томъ, что гдѣ-то далеко въ дремучемъ лѣсу, жила добрая Снѣжная фея, которая очень любила бѣдныхъ дѣтей. Никто не зналъ дорогу въ ея бѣлоснѣжный, сверкавшій брилліантами дворець, но кому удавалось попасть къ ней, тотъ уже никогда въ жизни ни забывалъ ея ласковаго пріема. Она одаряла своего гостя дорогими подарками, утѣшала его въ горѣ, и отпускала его къ себѣ домой довольнымъ и счастливымъ. Однажды жила-была на свѣтѣ маленькая дѣвочка,—сирота, которой нечего было ѣсть и которую всѣ гнали отъ себя, какъ бездомную собаку. Долго мучилась и страдала дѣвочка и рѣшила на-

конецъ убѣжать. Ей казалось, что на горизонтѣ, тамъ, гдѣ небо сходится съ землей,—дѣйствительно уже конецъ свѣту и что если она добѣжитъ до того мѣста и вспрыгнетъ на небо, то будетъ уже у Боженъки въ гостяхъ, гдѣ ее не обидитъ никто. И вотъ она выбѣжала изъ города. Была суровая зима. Стояли морозы. Былъ сочельникъ. Дѣвочка все бѣжала и бѣжала по снѣжному полю; свѣтили звѣзды съ неба и было такъ холодно, что нѣмѣли пальцы на ногахъ и рукахъ. Плохо одѣтая, въ рваныхъ башмакахъ, дѣвочка стала скоро замерзать и наконецъ въ безсилїи опустилась на снѣгъ. И вдругъ она видитъ, что по дорогѣ движется какой-то маленькій старичекъ съ елкой на плечѣ и съ цѣлымъ мѣшкомъ игрушекъ за спиною. Вокругъ него свѣтло, такъ свѣтло, какъ днемъ.

— Дѣвочка, что ты тутъ сидишь? обратился къ ней старичекъ.

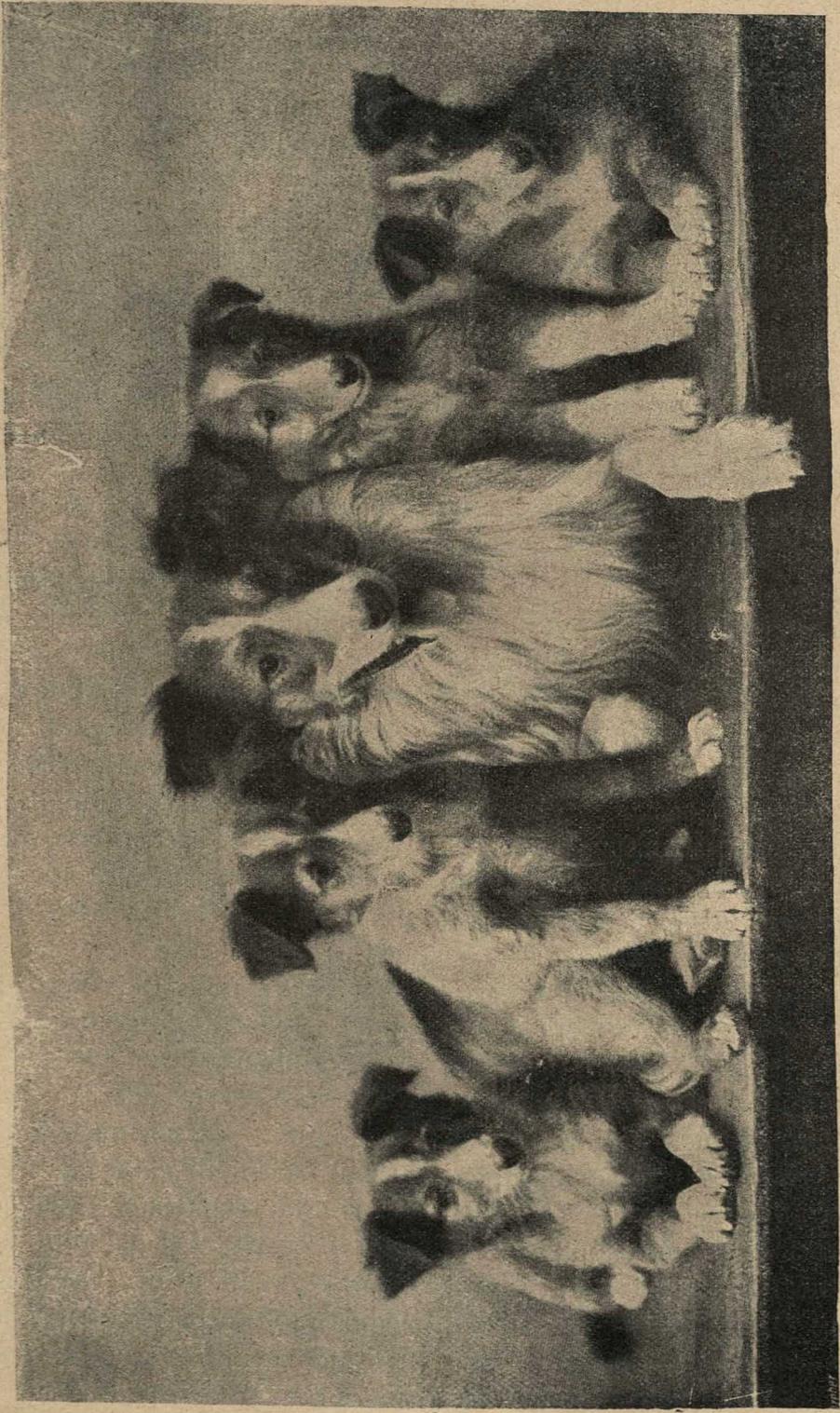
— Я сирота, отвѣтила она.— Мнѣ некуда больше идти.

— Пойдемъ со мною!

Онъ взялъ ее за руку и повелъ куда-то въ дремучїй лѣсъ. Едва только они вошли въ него, какъ всюду замелькали разноцвѣтные огоньки, зазвенѣли колокольчики и передъ глазами изумленной дѣвочки открылся вдругъ роскошный, бѣлоснѣжный дворець, сверкавшій брилліантами.

Что-то вкусное.

Семья.

— Куда ты меня ведешь? спросила она старичка.

— Это—дворецъ Снѣжной феи, отвѣтилъ онъ ей.—Я веду тебя къ ней. Она любитъ бѣдныхъ бездомныхъ дѣтей и дѣлаетъ для нихъ все, чего только они ни захотятъ.

По роскошной лѣстницѣ онъ ввелъ ее во дворецъ, въ которомъ было такъ хорошо, такъ хорошо, что во всемъ свѣтѣ не найдется ни одинъ писатель, который могъ бы этотъ дворецъ описать. Затѣмъ къ дѣвочкѣ вышла сама Снѣжная фея. Стройная, добрая, прекрасная, она подошла къ сироткѣ и подняла ее на руки.

— Чего ты хочешь, бѣдняжка? обратилась она къ ней.— Проси! у меня всего и я ни въ чемъ тебѣ не откажу.

Согрѣтая ея лаской, дѣвочка прижалась къ ней и сказала:

— Возьми меня къ себѣ, добрая фея.—Оставь меня у себя навсегда!

И Снѣжная фея отвѣтила:—

— Милая дѣвочка, ты слишкомъ много страдала. За это ты останешься у меня совѣмъ и я постараюсь тебя сдѣлать счастливой.

И, крѣпко ее поцѣловавъ, Снѣжная фея ушла съ нею во внутренніе покои дворца.

На этомъ и оканчивалась сказка. Въ ней не было конца, Наташѣ и Андрюшѣ всякій разъ очень хотѣлось знать, что было потомъ, но Архиповна не продолжала и такъ дѣти и остались въ неизвѣстности

о томъ, что случилось съ дѣвочкой и вернулась-ли она назадъ. Но всякій разъ, какъ Архиповна оканчивала эту сказку, Наташа задумывалась и долго смотрѣла передъ собою въ одну точку, не мигая глазами. Передъ ея умственными очами въ мельчайшихъ подробностяхъ проходила вся исторія замерзавшей дѣвочки и наконецъ, придя въ себя, она улыбалась во все лицо и произносила:—

— Какъ-бы я хотѣла знать, гдѣ живетъ эта Снѣжная фея!..

Однажды Наташа долго не приходила къ Андрюшѣ. Архиповна забеспокоилась о ней и рѣшила навѣстить ее сама. Она застала ее въ самой неприглядной обстановкѣ. Больная по прежнему лежала въ постели, Наташа сидѣла въ уголкѣ и, какъ загнанный звѣрокъ, глядѣла оттуда испуганными глазами, а посреди комнаты стоялъ расхолодившійся Илья Власевичъ и кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Освободите квартиру! Больше я не желаю васъ у себя держать!

Архиповна остановилась у двери и, полная изумленія, долго не знала, какъ ей поступить. А затѣмъ она вернулась къ себѣ домой и принялась за письмо. Къ счастію, она была грамотная и кое-какъ умѣла выводить каракули, которыя хотя и съ трудомъ, но все же можно было прочитать.

„Дорогая барышня, писала она.—

Я слышала, что вы вернулись уже изъ заграницы и живете теперь въ Покровскомъ. Какъ бы я хотѣла васъ видѣть! Я вынянчила васъ на своихъ рукахъ и вспоминаю о васъ каждый день. Пошли вамъ Господь счастья и здоровья.

„Милая барышня, окажите мнѣ божескую милость. Вы всегда были добрая и жалѣли людей. На одномъ дворѣ со мною живетъ бѣдная больная женщина. Она хвораетъ уже два мѣсяца. У нея—маленькая дочь. Имъ стало нечего ѣсть. Ихъ гонять съ квартиры. Помогите имъ, дорогая барышня, васъ Богъ за это не оставитъ, а я буду молиться за васъ по гробъ моей жизни. Остаюсь вапа любящая васъ бывшая няня—Арина Архиповна.“

Няня прочитала письмо, приписала къ нему еще двѣ строки о томъ, какъ зовутъ эту больную женщину и гдѣ она живетъ, и запечатала его въ конвертъ. На конвертѣ она написала адресъ: „Ея Превосходительству Еленѣ Алексѣевнѣ Калачевой. Въ усадьбу Покровское.“ Затѣмъ она повела Андрюшу погулять и по дорогѣ опустила письмо въ почтовый ящикъ.

— Будь, что будетъ... вздохнула она.—Авось не оставитъ Господь!

Получивъ это письмо своей бывшей няни, Елена Алексѣевна засуетилась. Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она тотчасъ-же приметъ всѣ мѣры, чтобы

облегчить положеніе этой бѣдной, больной вдовы, которую гонять съ квартиры! Но какъ это сдѣлать? Послать ей денегъ? Но кто за нее получить деньги съ почты? Написать Архиповнѣ? Но когда еще получишь отъ нея отвѣтъ? Необходима была помощь скорая, немедленная и не только одними деньгами. Нужно было-бы пригласить врача, купить лекарствъ, позаботиться о питаніи и бѣльѣ.

И Елена Алексѣевна сама забиралась въ городъ.

— Знаешь, что? вдругъ предложилъ ей ея отецъ—генералъ.—Я прикажу запретъ лошадь и поѣду туда самъ. Все, что будетъ нужно, я устрою и безъ тебя. А затѣмъ, уже послѣ, навѣдуешься туда и ты сама.

Онъ сѣлъ въ санки и одинъ, безъ кучера, поѣхалъ въ городъ.

А тѣмъ временемъ и Наташа тоже рѣшила дѣйствовать. Нѣтъ, она не можетъ больше выносить этихъ грубостей Ильи Власыча, она не можетъ оставаться равнодушной къ тому, что ея мать больна и не имѣетъ средствъ! Ея маленькое сердечко всякій разъ обливается кровью, когда она возвращается отъ Андрюши къ себѣ домой и видитъ эту давящую, безысходную нищету. Она знаетъ, что ей дѣлать и добьется своего. Какія-бы препятствія ни встали передъ нею на пути, она сумѣетъ преодолѣть ихъ и хоть на минуту,

хоть на мигъ, сдѣлаетъ свою мать счастливой!

— Я пойду къ Снѣжной феѣ! рѣшила она. — Только она одна и сумѣетъ насъ спасти! Я постараюсь ее найти!

И она набросила на себя пальтишко, выбѣжала на улицу и со всѣхъ ногъ побѣжала туда, гдѣ вдалекѣ, уже на выгонѣ, едва замѣтной полоской сѣрое, вечерѣвшее небо сходилосъ съ землей.

— Я пойду къ Боженкѣ, шептала она, — и Онъ пошлетъ ко мнѣ навстрѣчу Дѣда!

Она вышла за городъ. Передъ нею уходилъ далеко въ туманную даль рядъ телеграфныхъ столбовъ, тянувшихся вдоль дороги, и кругомъ было пустынно и безлюдно, на каждомъ шагу дѣвочка угружала въ глубокой снѣгъ, спотыкалась и падала. Ей было страшно, но она бодро шла къ тому мѣсту, гдѣ небо сходилосъ съ землей. Спустились сумерки и на небѣ заблестали одинокія звѣзды, а она все шла и шла, прислушиваясь ко всякому звуку и каждую минуту ожидала, что вотъ-вотъ ей встрѣтится добрый дѣдъ, который отвезетъ ее во дворецъ къ Снѣжной феѣ, гдѣ такъ свѣтло, уютно и тепло и гдѣ никогда не знаютъ нужды. У нея давно уже ооченѣли руки и ноги, рѣзкій, встрѣчный вѣтеръ поднималъ передъ нею снѣжную пыль и стегалъ ей ледяными иголками лицо. Она выбивалась изъ силъ,

давно уже устала и еле переводила духъ. Было уже темно. И чѣмъ быстрее она подвигалась къ горизонту, тѣмъ онъ все дальше и дальше уходилъ отъ нея вдаль и наконецъ вдалекѣ обрисовалась темная, непривѣтливая масса большого лѣса. Ей еще болѣе сдѣлалосъ страшно.

— Боженька, подкрѣпи меня! шептала она. — Не дай мнѣ замерзнуть. Пошли ко мнѣ на встрѣчу Дѣда.

Но силы все болѣе и болѣе оставляли ее, она вся уже окостенѣла отъ леденящаго вѣтра и ее сильно стало клонить ко сну.

— Посижу здѣсь у пня... рѣшила она. — Отдохну и пойду дальше!

Она свернула съ дороги и, прислонившись къ одинокому пню спиною, сѣла на снѣгъ и стала отдыхать.

Надъ нею гудѣли телеграфныя проволоки, завывалъ вѣтеръ, кругомъ нея развѣтывалась темнота и было такъ одиноко и чуждо, что ей снова сдѣлалосъ страшно и захотѣлось бѣжать. Но силы оставили ее и ноги отказались ей служить.

— Боженька, прошептала она. — Пошли ко мнѣ навстрѣчу Дѣда!

И вдругъ она услышала вдалекѣ звонъ бубенчиковъ. Кто-то приближался къ ней на саняхъ. Слышно было, какъ фыркала лошадь и какъ полозья визгливо скрипѣли по снѣгу. Одѣтый въ теплую, громад-

ную доху, на санкахъ сидѣлъ широкоплечій господинъ съ большою сѣдою бородою и правилъ лошадыю. Поровнявшись съ Наташей и завидѣвъ ее у пня, онъ остановилъ лошадь и вылѣзъ изъ саней.

— Тпруу!.. крикнулъ онъ и, оставивъ лошадь одну, направился къ Наташѣ.

„Это Дѣдь“... подумала она, замѣтивъ длинную сѣдую бороду незнакомца. „Теперь онъ отвезетъ меня въ лѣсъ къ Снѣжной феѣ и я согрѣюсь у нея и отдохну“.

Незнакомецъ нагнулъся надъ ней.

— Чего ты здѣсь, глупенькая, сидишь? спросилъ онъ.—Вѣдь ты замерзнешь!

— Я иду въ лѣсъ, къ Снѣжной феѣ.. отвѣтила она.—У меня уже два мѣсяца больна мама, у насъ нѣтъ денегъ и хозяинъ гонитъ насъ съ квартиры..

— Какъ тебя зовутъ? Чья ты?

Она назвала себя. Онъ удивился. Это была та самая дѣвочка, къ матери которой онъ вѣхалъ по порученію своей дочери Елены Алексѣевны изъ Покровскаго.

— Кто же тебя надумилъ идти къ этой феѣ? спросилъ онъ.

Я рѣшила идти къ ней сама... продолжала она.—Няня-Архиповна рассказала мнѣ сказку про Снѣжную фею и я пошла къ ней, чтобы попросить ее за маму и за себя.

— Зачѣмъ-же ты здѣсь сидишь?

— Я ожидаю, Дѣдушка, васъ... Я

знала, что Боженька пошлетъ васъ ко мнѣ на встрѣчу и вотъ сижу здѣсь и жду...

Для генерала не оставалось больше никакого сомнѣнія въ томъ, что это была именно Наташа. Указаніе на няню Архиповну еще болѣе убѣдило его въ томъ, что эта встрѣча—не простая случайность.

— Ну, въ такомъ случаѣ вставай и поѣдемъ со мной, обратился къ Наташѣ генераль.—Я отвезу тебя къ Снѣжной феѣ и она постарается тебѣ помочь.

Онъ взялъ ее на руки и маленькую, холодную, но полную вѣры въ то, что онъ былъ дѣйствительно желанный ею дѣдь,—усадилъ ее въ сани и со всѣхъ сторонъ укрылъ ее мѣхами. Она сразу почувствовала приятную теплоту. Затѣмъ онъ грузно усѣлся рядомъ съ ней, повернулъ лошадь назадъ, хлопнулъ вожжами и помчался въ Покровское.

Полчаса спустя, раздался лай собакъ, передъ Наташей сквозь стволы деревьевъ замелькали ярко освѣщенные окна и покрытыя снѣгомъ мраморныя статуи, и санки наконецъ остановились у крыльца.

„Это дворецъ Снѣжной феи“... подумала Наташа.

Выбѣжали слуги, помогли генералу выйти изъ саней и приняли отъ него лошадь. Генераль взялъ на руки Наташу и вошелъ съ нею въ домъ.

— Лена, крикнулъ онъ, входя

съ дѣвочкой въ залъ. — Посмотри, кого я тебѣ привезъ!

Наташа зажмурилась отъ хлынувшей ей въ глаза масса свѣта и отъ роскоши, съ какой былъ обставленъ залъ. Затѣмъ вышла Елена Алексѣевна въ розовомъ легкомъ платьѣ и подошла къ Наташѣ.

Отъ радости Наташа стала плакать. Пока генераль разсказывалъ дочери о неожиданной встрѣчѣ и о томъ, что заставило дѣвочку идти въ такой далекой путь, Наташа рыдала въ три ручья и, заплакавшись досыта, почувствовала вдругъ, какъ что-то тяжелое, выстраданное, свалилось у нея съ души и какъ стало оттаивать ея маленькое, дѣтское, но уже узнавшее горе, сердечко.

— О чемъ ты плачешь?.. обратилась къ ней Елена Алексѣевна. — Ты озябла? Ты хочешь ѣсть?.. Чтого тебѣ предложить?

Но Наташа не находила словъ, о чемъ ее попросить. Она вдругъ подскочила къ ней, бросилась къ ней на шею и крѣпко прижалась

къ ея груди своей еще мокрой отъ слезъ щекой.

— Снѣжная фея!.. шептала она. — Милая, дорогая, хорошая Снѣжная фея!.. Какъ я мечтала о васъ, какъ давно хотѣла васъ видѣть!.. Только вы одна и сумѣете намъ помочь!

И, снова залившись слезами, она стала выкладывать передъ ней все, что накопилось у нея на душѣ.

Нужно-ли описывать, что было потомъ? Нужно-ли шагъ за шагомъ писать о томъ, какъ Елена Алексѣевна ѣздила въ городъ, какъ устроила мать Наташи въ больницу и какъ самое Наташу взяла къ себѣ? Все это составило-бы собою цѣлый новый большой разсказъ, но къ счастію Наташи не прибавило-бы ничего. Она чувствовала себя безконечно счастливой и ей казалось, что она видѣла очаровательный сонъ или дѣйствительно переживала сказку о „Снѣжной феѣ“, которую разсказывала ей и Андрюшѣ няня-Архиповна въ маленькомъ, одинокомъ флигелькѣ.

Лео.

Очень рекомендуется! новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи „Золотого Дѣтства“.

Повѣсть эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Рѣшеніе головоломки и рѣбуса № 4, помѣщенныхъ въ № 4 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., Лира, Сирота, Цапля—Лисица. II., По учебникамъ. III., Съ мокрыми. IV. Столько же, сколько и отъ солнца до земли.

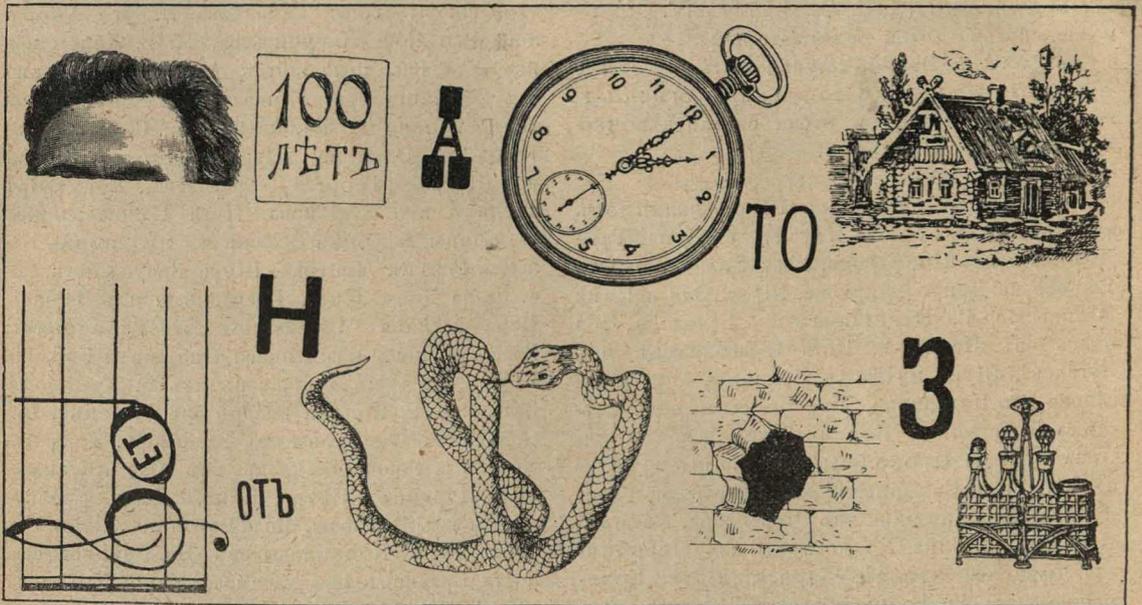
Рѣбусъ № 4: Въ + о + кругъ + столъ + а + си + д + ели + дѣ + в + очки + и + ели + пи + рога + съ + гриба + а + ми = Вокругъ стола сѣдѣли дѣвочки и ѣли пирога съ грибами.

Вѣрные рѣшенія прислали: Шура Филипповъ изъ Каменской, Сережа Якушовъ съ Дона, Тася Долгановъ изъ Новгорода, Ваня Пилипенко изъ Ростова на Дону, Андрюша, Шура, Оля и Пана Ильменскіе, Г. Клейнбергъ изъ Бальдона, Зоя Свѣтъ изъ Чернухъ, Петя Кожевниковъ изъ Луганска, Шура и Настя Мямлины, Катя Самсонова изъ Петровска, Мурочка Леонтьева вмѣстѣ съ Люсичкой и Количкой изъ Севастополя. Саша и Женя Проконецъ, Аня Крымъ изъ Одосіи, Толя Садовничій изъ Бѣлгорода, Соня и Нина Конашинскія изъ Череповца, Василій Пономаревъ, Сира Холмогоровъ изъ Челябинска, Фридоочка Фукесъ, Жоржикъ и Вѣра Коломацкіе изъ Авдѣвки, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Шура Липшицъ изъ Острополя, Александръ Левицкій изъ Уфы, Женя Мирковичъ, изъ Самары, Андрюша и Тамара Кремлевы изъ Петропавловска, Лена Ливдѣрь изъ Перми, Звочка Ханукова въ Спб., Алексѣй Пичугинъ изъ Казани, Оля Казачковская изъ Перовска, Нина Дикъ изъ Ростова-на-Дону, Шура, Нина и Андрюша Проскуряковы изъ Вологды, Зоя Плотникова изъ Златоуста, Володя Новицкій изъ Акъ-Мечети, Викторъ Лазо, Миня Муравьевъ со ст. Тихорѣцкой, Тая Покровская, Андрей Озерецковскій, Юрочка-курочка, Красный чертикъ, Варя Наумова въ Спб., Георгій и Женя Вебсъ, Гога Огаревъ, Сережа и Толя Блохины изъ Каргополя, Муся и Володя Визи, Оля и Ваня Ильменскіе, Дима Татарниковъ, Георгій Карцовъ и Сергій Давыдовъ изъ Царскаго Села, Кто-то безъ подписи въ очень маленькомъ конвертикѣ, Нина Турапова изъ Пошехонья, Сергій Сухоруконъ и Глѣбъ Тарасовъ изъ Нижняго-Новгорода, Кира Подлѣсская въ Спб., Леля

и Лида Рѣдько въ Спб., Тася и Казя Глазуновы, Глава изъ Обухова, Вяча Васильевъ изъ Гатчины, Борисъ М. изъ Спб., ученицы Угловской школы—Тоня Гаврилова, Маруся Амбрулевичъ и Зоя Лаврентьева, М. В. Левочская изъ Угловки, школьникъ Аркадій Никитинъ изъ Гельсингфорса, гимназистъ Георгій Никитинъ, Антонина Балашова изъ Сестрорѣцка, Глава изъ Обухова, Шура и Володя Фомины изъ Щигровъ, Георгій Добриловскій, Владиміръ Тренинъ изъ Харькова, Митя Кононовъ изъ Пульницы, Вѣрочка Новинская и Леночка Бѣляева, Розалія Честная, Шура Бреусъ изъ Ростова на Дону, Нина Кварацхелія изъ Туапсе, Маня и Ваня Чебаевскіе, Котя Рафановичъ, Вова Тюленевъ изъ Пинеги, Лидуша и Борюша Рябовы, Костикъ Молчановъ изъ Б. Куликовъ, Витя Мневъ, Володя Редеръ изъ Раменья, Вася и Костя Федоровы изъ Владиміра, Толя Авшаровъ и Саша Бычковъ изъ Владикавказа, Юрій Дурдинъ, Шура, Нина и Дюся Проскуряковы изъ Вологды, Коля Воронинъ, Лена, Зина и Нюра Коноплевы изъ Ив.-Вознесенска, Костя Ергаковъ изъ Касимова, Марія Устинова изъ Ауди-Ата, Леля Пичугинъ изъ Казани, А. П. Миткевичъ изъ Турова, Оля, Ося и Яша Покрасса, Леля и Сережа Тарасановы, Сережа Петровъ изъ Серебр.—Прудовъ, Андрюша Федотовъ—донской казачекъ и его тетя Тая Волкова, Толя Охотникъ изъ Ухолова, Вова Зенинъ изъ Пензы, Тася и Катя Глазуновы изъ Суджи, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Маргарита и Мурочка Леонтьевы, Федя Борецковъ, Феклуша Эпштейнъ, Тая Грекъ, Жоржикъ Макаревичъ, Александръ Козловскій, Лида Лысенкова, Шура, Ника, Лида и Серафимъ Протопоповы, Нюня и Сережа Шерстинскіе, Нюша Ракъ, Алексѣй Шполянскій въ Одессѣ, Викторъ Лазо, Мойсей и Гриша Фейгины, Сережа и Юра Думаревскіе, Жоржъ и Сима Думаревскіе Алла Болотина, Сержикъ Здрайковскій, Сережа Базыкинъ, Елена Григоровичъ, Львенокъ и Зайченокъ изъ Моршанска, Коля и Толя Мямлины, Маня и Сережа Соболевы изъ Рябичъ, Пата Кравченко, Клодя Шанинъ изъ Порѣчья, Илья Швейцеръ.

Ребусъ № 6.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. П. ЧЕХОВА.

Годъ 6-й
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).
- 12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ. книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣялки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.